

Василий Балушок
(Киев)

„ВОЛК” И „ВОЛКОЛАК” В СЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ В СВЯЗИ С АРХАИЧЕСКИМ РИТУАЛОМ

W artykule podjęto próby wykazania związku między pojęciem *wilka* i *wilkołaka* a archaiczną inicjacją (wejściem w nową rolę społeczną przez zyskanie praw i obowiązków) w tradycji ludów indoeuropejskich. Na podstawie bogatej dokumentacji folklorystycznej, językoznawczej i etnograficznej pokazano, że zmiana człowieka w wilka (bądź psa) dokonywała się w momentach przełomowych. Takim okresem było przejście od wieku młodzieńczego do dorosłości. Młodzieńcy, stając się dorosłymi, musieli udowodnić przed daną społecznością swoje męstwo, odwagę i bezwzględny stosunek do wroga. Te cechy warunkowały w przyszłości egzystencję jednostki i grupy.

W różnych źródłach słowiańskich najwyraźniej ten inicjacyjny wątek wyrażający się w zamianie człowieka w wilka można obserwować w tradycji weselnej, wyprawach wojennych, pospolitych grabieżach, przyjmowaniu do określonych grup zawodowych.

Волку издавна принадлежала важная роль в мифологии и ритуальной практике славянских народов, как, впрочем, и других индоевропейцев. Он почитался как тотемный предок и родоначальник племени. О важной функции волка в славянской ритуально-мифологической традиции свидетельствует большая распространенность топонимов, антропонимов и этнонимов, содержащих основу „волк” (название племен лютичей — от табуистического наименования волка как „лютого”, имена типа *Волчко*, *Волк*, *Вук*, эпический герой Змей Огненный Волк и пр.). У многих индоевропейских народов родословные правителей называют волчицу, которая вскормила их основателей, например,

Ромула и Рема у римлян, Кира у персов. Возможно подобные предания бытовали и у славян.

Следы тотемистического культа волка сохранялись у всех славянских народов до недавнего времени. Так, у большинства славян встреча с волком предвещала удачу. „Ему воўк дарогу перебег”, — говорили белорусы о человеке, которому сопутствует удача¹. А болгары даже считали потери, нанесенные волками скоту, особым счастьем. Это, по их мнению, предвещало успешное размножение домашних животных, большие удои и вообще удачу в домохозяйстве. В Болгарии, Далмации, среди украинцев-гуцулов, как и у соседних румын, а также латышей, известны особые „волчьи праздники”, приходившиеся на определенные дни осенне-зимнего сезона². Остатки тотемистического культа волка до наших дней сохраняются в украинском Полесье. Здесь в некоторых селах люди считают, что встретив волка в лесу следует сказать: „И я волк” или же завуть по-волчьи³. Подобные верования были зафиксированы на рубеже XIX–XX ст. на Черниговщине: „Як оступлять вовки чоловіка, то треба назвати якого-небудь умершого чоловіка ймення чи родича, чи знакомого, то й підуть геть”⁴. У всех славянских народов бытует поверье, что волки пожирают злых духов, демонов и чертей. Украинцы говорили о чертях, что если бы их гром не бил, волки не выедали, то их столько бы наплодилось, что света не было бы видно⁵. В сказках, в частности волшебных, волк очень часто тоже выступает положительным персонажем — чудесным помощником героя. Среди восточных славян бытовала вера в то, что волками руководит Белый волк — „волчий царь”, „волчий пастух”⁶. Это поверье можно считать реминисценцией древних представлений о тотемистическом священном царе-волке.

Зафиксированы у славян и следы тотемистического культа пса, как, например, у белорусов⁷. Вспомним в этой связи, что в украинских, русских, белорусских, польских, чешских, словацких сказках богатырь-

¹ Богданович А., *Пережитки древнего мировоззрения у белорусов*, Гродно 1896, с. 177–178.

² Moszyński К., *Kultura ludowa Słowian*, t. 2, *Kultura duchowa*, cz. 1, Warszawa 1967, s. 571.

³ *Поліська дома*, Упоряд. В. Давидюка і Г. Аркушина, Луцьк 1991, с. 103.

⁴ Гринченко Б. Д., *Из уст народа*, Чернигов 1901, с. 63.

⁵ Moszyński К., *op. cit.*, s. 570–571.

⁶ Воропай О., *Звичаї нашого народу*, Київ 1991, т. II, с. 260; Moszyński К., *op. cit.*, s. 573.

⁷ Дашкевич В. Я., *До питання про заложник тварини в уявленнях українського народу*. *Українці: народні вірування, повір'я, демонологія*, Київ, 1991, с. 532.

-змееборец часто является сыном собаки — Сученком, Сукевичем, Сучицем, Сучичем и т.д.⁸ В связи с этим исследователи отмечают, что у индоевропейцев „смешивание волка и собаки характерно для различных мифологических традиций, где волки могут зваться собаками и наоборот”⁹.

С означенными представлениями оказываются определенным образом связаны верования в превращение человека в волка, реже в пса. Эти представления характерны для всех славянских народов, как, впрочем, и других индоевропейцев.оборотничество вообще является весьма важным компонентом мифологии, верований, фольклора, если не всех, то большинства народов мира. Но у славян оно в наибольшей степени связывается именно с волком. На ликантропию ясно указывают названия людей, превращенных в волков: укр. *вовкулака*, рус. *волколак*, белор. *ваўкалак*, словен. *volkodlak*, болг. *вълкодлак*, польс. *wilkolak*, чеш. *vilkodlak*, слов. *vlkodlak*, лужицк. *wielkoraz*, старослав. *влзкодлак*. Поверья и мифологические рассказы о людях, превращаемых в волков, распространены и у других индоевропейских народов. У немцев это *Werwolf*, у литовцев — *viltaki*, у французов — *Loup-garou*. В иранской традиции также говорится о *taichuo* — „волках на двух ногах”, т.е. волколаках¹⁰.

В мифологических рассказах фигурируют два вида „людей-волков”. Первые — это „родимые” волколаки, которые от рождения владеют способностью не только сами, по своей воле, превращаться в волков, но и превращать других. О них чуть ниже. Вторые — это „деланные” волколаки, как правило, молодые парни брачного возраста. Превращают их в волков колдуны, в большинстве являющиеся „родимыми” волколаками, а также ведьмы и колдуньи. Очень часто превращение парня в волколака сопряжено с его вступлением в брак. Интересно, что у украинцев бытовало поверье, согласно которому парень, который был превращен в волколака, а потом снова стал человеком, не может больше стать волком¹¹.

Бытовали у славян, например, у украинцев, и рассказы о превращении людей в собак. В некоторых рассказах человек превращается то

---

⁸ Бараг Л. Г., *Сюжет о змееборстве на мосту в сказках восточнославянских и других народов. Славянский и балканский фольклор*, Москва 1981, с. 164.

⁹ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В., *Индоевропейский язык и индоевропейцы*, Тбилиси 1984, т. 2, с. 590.

¹⁰ Ridley R. A., *Wolf and Werwolf in Baltic and Slavic Tradition*, The Journal of Indo-European Studies 1976, v. 4, nr 4, p. 326.

¹¹ Гнатюк В., *Вибрані статті про народну творчість*, Нью Йорк 1981, с. 237.

в волка, то в пса¹². В этой связи обращает на себя внимание название волков „собаками” „Волчьего пастуха”, а также св. Юрия (Георгия) — покровителем волков¹³.

Превращение человека в собаку нашло свое отражение и в украинских легендах о „песиголовцах” (песьеголовых). Исследователи обычно объясняют возникновение этих сюжетов влиянием христианской апокрифической литературы, куда они, в свою очередь, попали из произведений древнегреческих и древнеримских писателей¹⁴. Указанное влияние апокрифической и античной литературы на украинские легенды о песьеголовых не вызывает сомнения, как нельзя отрицать и некоторого сходства этих сюжетов с античными. Но наряду с заимствованными элементами, на мой взгляд, в украинских легендах о песьеголовых присутствует и древний субстрат, принадлежащий автохтонной традиции. Подобные представления о собакоголовых, связанные с мифологемой превращения человека в пса, известны и другим славянам, а также кельтам и германцам. У последних это „*Hundingas*” — потомки собак¹⁵.

Славянские мифологические рассказы о волколаках находят свое объяснение в древнем обряде инициации. В древнеславянскую эпоху юноши, проходя обряд посвящения, ритуально перерождались в волков¹⁶. Этим объясняется и юношеский возраст превращаемых в волков, а также поверье о невозможности сделать человека волколаком вновь, после возвращения его в человеческое обличье, о чем говорилось выше. Ритуальное перерождение иницируемых юношей в волков (или псов) в древности засвидетельствовано или же доказано методом реконструкции для других, родственных славянам, народов — индоиранцев, скифов, италиков, кельтов, германцев, балтов¹⁷.

Информацию об инициационном обряде „перерождения” в волка, существовавшем у славян в архаическую эпоху, дают нам также данные языкознания и этнографии. В поздних инициациях, бытовавших

¹² Євшан-зілля, *Легенди та перекази Поділля*, Зібрав та впорядкував П. Медведик, Львів 1992, с. 74.

¹³ *Малорусские народные предания и рассказы*, свод М. Драгоманова, Киев 1876, № 9.

¹⁴ См. напр. Булашев Г., *Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях*, Київ 1992, с. 172–1179.

¹⁵ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В., Указ раб. с. 590.

¹⁶ Подробнее см.: Балужок В. Г., *Инициации древних славян (попытка реконструкции)*, Этнографическое обозрение 1994, № 4.

¹⁷ Иванчик А. И., *Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию*, Советская этнография 1988, № 5, с. 40–41; Ridley R. A., *op. cit.*.

у славянских народов в исторический период, сохранился обычай называть посвящаемых „волками”. Например, так именовали юношей, которые проходили инициацию в косарских общинах, среди охотников, а также в объединениях нищих и разбойников у поляков¹⁸. В некоторых местностях Украины „вовком” называли парня, которого посвящали в члены „нарибоцкой громады”¹⁹. Сюда же следует отнести и сравнение в „Слове о полку Игореве” дружинников князя Всеволода с волками в рассказе об их воспитании как воинов: „Скачють акы сѣраны вльци вѣ полѣ”²⁰. В среднерусских диалектах шафер со стороны жениха, а также другие свадебные чины назывались „волками”²¹, что тоже связано с рассматриваемым нами явлением, в частности, с умыканием женщин членами „волчьих” инициационных союзов (см. ниже). У украинцев среди парней еще в начале XX ст. существовала игра, называвшаяся „Загибать сухого волка”, смысл которой сводился к испытанию силы и ловкости участников. А у польских цеховых ремесленников эпохи феодализма при посвящении ученика в подмастерья, иницируемому подносили кубок с вином, который назывался *witkopen*. Польский этнограф и краевед Ж. Глогер выводил это название от немецкого *willkommen* — „добро пожаловать”, но все же он связывал его и со словом „волк” (*wilk*)²². В таком случае название кубка означает „волчий”. Сохранялся среди славян и обычай рядиться в волчьи маски. Он известен среди поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев Полесья, сербов, хорватов, в Далмации, Боснии, где волками наряжались парни во время новогодних карнавальных процессий и на Масленицу²³. В Белоруссии бытовал обычай называть волков во время Рождественных праздников „колядниками”²⁴.

Но наиболее архаический обряд, сохранивший целый ряд компонентов древней инициации, зафиксирован в XIX ст. у польских косарей. Здесь при проведении посвящения в косари иницианта валили на

¹⁸ Tokarska J., Wasilewski J. S., Zmysłowska M., *Śmierć jako organizator kultury*, Etnografia polska 1982, t. XXVI, z. 1, s. 96–100.

¹⁹ Рукописанные фонды Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Рыльского НАН Украины. Ф. 1 — доп. Ед.хр. 30, Л.1.

²⁰ *Слово о полку Игореве*, „Изборник”. Сборник произведений Древней Руси, Москва 1969, с. 198.

²¹ *Псковский областной словарь с историческими данными*, Ленинград 1979, ч. 4, с. 111; *Словарь русских народных говоров*, Ленинград 1970, вып. V, с. 40.

²² Gloger Z., *Encyklopedia staropolska ilustrowana*, Warszawa 1972, t. IV, s. 438.

²³ *Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники*, Москва 1973, с. 227, 225, 257; Schneeweis E., *Serbokroatische Volkskunde*, t. 1, Berlin 1961, s. 127.

²⁴ Moszyński K, *op. cit.*, s. 572.

землю, били и при этом выкрикивали: „Волк! Волк!” Потом иницируемый пролазил сквозь особое сооружение (возможно, в прошлом макет-чучело мифического чудовища, проглатывавшего иницианта), символически умирая и возрождаясь вновь. Причем „рождался” посвящаемый уже как „волк”. Об этом свидетельствует тот факт, что ему, после названных действий, цепляли волчий хвост, а он при этом кусался и завывал, имитируя волчье поведение. Присутствующие косари пели песню, в которой иницируемый связывался с жизнью волка в кустах²⁵.

В жреческо-колдовской среде длительное время сохранялись особые заговоры оборотней. Некоторые из них позднее были зафиксированы этнографами. Эти заговоры донесли до нас информацию о том, как совершалось превращение человека в волка. Один из таких заговоров, связанный с древнерусской жреческо-колдовской средой, приводит в своей работе американский фольклорист Р. Радли. Там же имеется и описание самого обряда превращения человека в волка, включавшего употребление галлюциногена, что характерно для инициации, поскольку вызывало эффект временной смерти. Посвящаемый дышал испарениями нагретых на огне наркотических веществ растительного происхождения и произносил заклинание. Он вызывал „духа серого волка” и просил сделать его волколаком „сильным и жестоким”, наделить „скоростью лося”, „когтями медведя”, „умом лисицы”, „силой быка”, „глазами кошки”, „плавучестью рыбы”, „обонянием собаки” и „прожорливостью свиньи”. После этого иницируемый трижды целовал землю, прыгал через огонь и вертелся, держа в руках сосуд с наркотическими веществами, выкрикивая: „Сделай меня волколаком, чтобы я ел мужчину, женщину, ребенка. Я желаю крови, человеческой крови, дай мне ее в эту же ночь. Великий дух волка, дай это мне. Я твой и сердцем, и телом, и душой”²⁶. Когда галлюциноген начинал действовать, иницируемому являлось видение духа волка-предка. В древнем колдовском обряде он выглядит как высокое существо с большими человеческими конечностями, заканчивающимися лапами волка, с вольчей головой, ртом и ушами, но с человеческим носом и глазами.

Проводили древнюю инициацию жрецы культа Велеса — жреческого бога, хозяина потустороннего мира, куда попадали иницируемые, переживая ритуальную смерть. В обряде инициации Велес, по видимому, выступал в ипостаси волка²⁷. С его образом, возможно,

²⁵ Савченко Ф., *Парубоцькі та дівочкі громади в Україні. Первісне громадянство та його пережитки на Україні*, 1926, вип. 3, с. 89.

²⁶ Ridley R. A., *op. cit.* p. 324.

²⁷ Ridley R. A., *op. cit.*, p. 328–330, Балужок В. Г., *Указ. раб.*

каким-то образом сливался образ священного Волка — тотемного предка. Иницирующие жрецы тоже во время посвятельного обряда преобразались в „людей-волков”. На это, в частности, указывают рассказы о „врожденных” волколаках. Будучи колдунами, они не только могут сами превращаться в волков и превращать других (как, кстати, производить и обратное действие), но и владеют другими чудесными способностями. Например, у белорусов они имеют четыре глаза и могут видеть во все стороны и т.п.²⁸ А. Брюкнер, рассматривая проблему этнической принадлежности геродотовских невра, которые владели способностью ликантропии, выводил этимологию слова „невр” из основы *-nir-*. Эта основа характерна для многих славянских языков и употреблялась древними славянами в словах, обозначающих людей плохих, злых, т.е. колдунов²⁹. Отголоски представлений о жрецах-волках встречаем и в древнегреческой, и в древнеримской традициях. У древних греков способностью ликантропии владели жрецы Зевса Ликейского (волчьего), у римлян — жрецы-луперки, совершавшие особые ритуалы в честь фавна, с культом которого слился древнеримский культ волка³⁰.

„Превратившись в волков (или псов), юноши образовывали „волчьи” союзы молодых воинов. Это был второй этап инициации, на протяжении которого они должны были доказать свое мужество, силу и беспощадность к врагам племени³¹. Поскольку юноши „перерождались” в хищников — хтонических существ, пожирающих людей и животных — то должны были и жить по-звериному, как существа несоциальные, принадлежащие к иному миру. Местом их проживания был лес, который, кстати, тоже в традиционных представлениях славян воспринимался как мир несоциальный, противоположный миру людей, а значит потусторонний³². Основными занятиями молодых воинов-инициантов были „хищнические”, „звериные” — разбой и военные действия против врагов племени, а также охота. Охотой и разбоем занимается проживающая в лесу дружина князя-оборотня Волха Всеславьевича, героя

²⁸ Богданович А., *Указ. раб.*, с. 145.

²⁹ Brückner A., *Mitologia słowiańska i polska*, Warszawa 1980, s. 286.

³⁰ Brückner, *op. cit.*, s. 287; Штаерман Е. М. *Фавн. Мифы народов мира* (далее — МНМ), Москва 1992, т. 2, с. 556.

³¹ Балушок В. Г., *Указ. раб.*, с. 60–61.

³² Иванов В. В., Топоров В. Н., *Славянские языковые семиотические моделирующие системы*, Москва 1965, с. 168; о волке, как существе хтоническом, принадлежащем к иному миру см.: Микитенко О., *Сербські голосіння: поетический та історико-географічний аналіз*, Київ 1992, с. 91; Раевский Д. С., *Модель мира скифской культуры*, Москва 1985, с. 111, 122.

одной из наиболее архаических русских былин: — „Гой еси вы, дружина хоробрая! /Ходите по царству Индейскому,/ Рубите старова, малова,/ Не оставьте в царстве на семена,/ ... А и ходят ево дружина по царству Индейскому,/ А и рубят старова, малова”³³. Характерно, что при завоевании царства Индейского Волх Всеславьевич и его дружина используют свою способность к оборотничеству. Интересно, что в сербском фольклоре — в юнацких песнях и причитаниях — волк (вук) выступает синонимом или даже собственным именем героя³⁴. Представления о связи волколацтва с военными занятиями сохранились в украинских поверьях о том, что запорожские казаки умели превращаться в волков³⁵.

В мифологических рассказах о волколаках одним из главных моментов также есть разбой „людей-волков”. В рассказах украинцев, поляков, русских, белорусов, словаков они нападают на домашний скот, причем не только в поле, но и в деревне. Рассказывается, хотя и реже, и о нападениях волколаков на людей. Они едят человеческое мясо, пьют человеческую кровь³⁶. Песнеголовые украинских легенд всегда являются людоедами. У южных славян — сербов, хорватов, болгар — образ волколака вообще почти слился с образом упыря³⁷. А у восточных славян бытовало поверье, что колдун-волколак после смерти превращается в упыря.

Ясно выступает „волчье”, разбойничье поведение и в текстах заговоров, произносимых при превращении человека в волка. Интересным в этой связи является приводимый русским этнографом XIX ст. И. Сахаровым заговор оборотня, в котором человек говорит о себе, как о „волке мохнатом”, у которого „на зубах... весь скот рогатый”. Он просит месяц: „Расплавь пули, притупи ножи, измочаль дубины, напусти страх на зверя, человека и гады, чтобы они серого волка не брали и теплой бы с него шкуры не драли”³⁸. В связи с этим обращает на

³³ *Былины*, Составитель, автор предисл. и вводн. текстов В. И. Калугин, Москва 1986, с. 60–61.

³⁴ Микитенко О. О., *Указ раб.*, с. 103.

³⁵ *Савур-могила. Легенди та перекази Нижньої Наддніпряниці*, Київ 1990, с. 62, см. также с. 116.

³⁶ Новицкий Я. П., *Малорусские народные предания, поверья и рассказы*, Александровск 1907, с. 27; *Про вовкулакив*, Киевская старина 1894, № 6, с. 544; Богданович А., *Указ. раб.*, с. 145; Brückner A., *op. cit.*, s. 287; Moszyński K., *op. cit.*, s. 546; Dobšinský P., *Prostonárodné slovenské povesti*, Bratislava 1973, z. I, s. 232, 241; Melicherčík A., *Slovenský folklor*, Bratislava 1959, s. 195.

³⁷ Schneeweis E., *op. cit.*, s. 8–9.

³⁸ Сахаров И. П., *Сказания русского народа*, Санкт-Петербург 1885, с. 64.

себя внимание фонетически-семантический ассоциативный ряд в русском языке: *волк* — *вор* — *ворог*. В приволжском диалекте „волком” называется пойманный на горячем вор, которого водят с позором по селу, одев на него шкуру украденного им животного³⁹. В районе г. Калуги „волком” называли крестьянина, незаконно вырубавшего лес⁴⁰. Средневековый историк Олаус Магнус в своей „Истории готов, шведов и вандалов” рассказывает о том, как уже в период средневековья члены балтских „волчьих” союзов, находясь в состоянии наркотического опьянения, занимались разбоем, нападали на поселения, грабили и убивали людей⁴¹.

Реминисценция „волчьего” поведения воинов-„волков” архаической эпохи прослеживается в так называемых „молодецких развлечениях” членов традиционных молодежных союзов украинцев, словаков, поляков, чехов феодальной и постфеодальной эпох⁴², которые генетически связаны с архаическими инициационными объединениями древних славян⁴³.

Во многих рассказах о волколаках бросается в глаза сопряженность превращения юноши в волка со вступлением в брак и началом брачной жизни. Часто рассказывается о превращении в волков целого свадебного поезда. Исследователи отмечают, что „имеется прямая связь в славянской и балтской традициях между свадебным ритуалом и ликантропией”⁴⁴. Такая связь объясняется тем, что члены „волчьих” союзов во время разбойничьих нападений захватывали девушек. Эти девушки жили в мужских домах „волчьих” союзов, выполняя функцию по практическому обучению юношей-инициантов эротике и будучи жрицами женской богини (по-видимому, Мокоши)⁴⁵, в веденье ко-

³⁹ Ито И., *‘Вовкодлак’ и ‘волчий пастух’ — два общераспространенных фольклорных мотива, связанных с культом волка*, *Comparative and contrastive studies in Slavic languages and literatures* [offprint], Japanese Contributions to the XIth International Congress of Slavists, Bratislava, Aug. 31 — Sept. 7 1993, Tokyo 1993, p. 132.

⁴⁰ *Словарь русских народных говоров*, с. 40.

⁴¹ Ridley R. A., *op. cit.*, p. 325.

⁴² Подробнее см.: Балушок В., *Парубочі ініціації в українському традиційному селі*, Родовід 1994, № 7, с. 34–35; Хорватова Э., *Традиционные юношеские союзы и инициационные обряды у западных славян*, *Славянский и балканский фольклор*, Москва 1989, с. 162–173.

⁴³ Грушебський М., *Початки громадянства (Генетична соціологія)*, Відень 1921, с. 315; Семенов Ю. И., *Происхождение брака и семьи*, Москва 1974, с. 185.

⁴⁴ Ridley R. A., *op. cit.*, p. 322.

⁴⁵ Русские лингвисты В. Иванов и В. Топоров считают Мокошь общеславянской богиней. Их аргументацию см.: Иванов В. В., Топоров В. Н., *Мокошь*, МНМ, т. 2, с. 169.

торой находилась также и сфера половых отношений⁴⁶. Умыкание девушек членами юношеских „братств” имеет широкие этнографические параллели у многих народов. Позже такие девушки выходили замуж за членов юношеских объединений. Брак умыканием вообще был одной из распространенных форм брака у древних индоевропейцев. Причем эта форма брака, как показывают исследования лингвистов, связывалась с „людьми-волками”. В частности, существовала формула „быть волком”, что означало „особый юридический статус при брачном обряде похищения женщины”⁴⁷. „Повесть временных лет” свидетельствует о распространении этого обычая и у древних славян⁴⁸. Типичную картину захвата женщин членами „волчьего” союза мы видим в былине о Волхе Всеславьевиче. Здесь дружинники Волха, рубя „старова, малова,/ А и только оставляют по выбору/ Душечки красны девицы”. „А и те его дружина хоробрая/ И на тех девицах переженилися”⁴⁹. Похожую картину рисует и сербский героический эпос⁵⁰. Украинские легенды тоже рассказывают о захвате девушек „песиголовцами”. Мотив нападения волколаков на девушек и молодых женщин содержит словацкий фольклор⁵¹. Представления о том, что волколаки нападают на женщин и девушек с „неприличными” намерениями бытовали и среди поляков. Так, в XVI ст. поэт Миколай Рей писал: „Jednej raniej pokasał wilk w oborze owce,/ Wójt powiada: wilkołak, niech mówi kto co chce;/ Słyszę ma ogon by wilk, a jako chłop godzi. . .”⁵² В этой связи представляет интерес и украинская сказка о том, как любовник неверной попадьи оказался волколаком⁵³. На бытование в прошлом умыкания женщин членами „волчьих” союзов указывает уже упоминавшееся название свадебных чинов „волками”, сохранившееся в среднерусских говорах. Об этом же, видимо, свидетельствует и заговор примака из русского Прионежья: „Я иду, зверь лапист и горд, горластый, волк зубастый, я есть волк, а вы есть овцы мои”⁵⁴.

⁴⁶ Подробнее см.: Балушок В., *Роль жінки в юнацьких ініціаціях давніх слов'ян*, Родовід 1994, № 9.

⁴⁷ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В., Указ. раб., с. 256–258.

⁴⁸ *Повесть временных лет*, Москва, Ленинград 1950, т. 1, с. 15.

⁴⁹ *Былины. . .*, с. 61.

⁵⁰ Српске народne пјесме, скупио их и на свијет издао Вук, Стеф, Кара. . ., Београд 1977 Кн. 1, № 577 и др.

⁵¹ Melicherčik A., *op. cit.*, s. 192.

⁵² Цит. по Brückner A., *op. cit.*, s. 284.

⁵³ Кольберг О., *Казки Покуття*, Ужгород 1991, № 36.

⁵⁴ Забыкин М., *Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия*, Москва 1880, с. 374.

Водил молодых воинов-„волков” в разбойничьи набеги вождь-колдун. Рассказы о волколаках повествуют о том, как родимый волколак руководит волками, которые под его началом совершают нападения на села и режут скот. В древних мифах индоевропейских народов вождь племени выступает в образе волка или владеет способностью превращаться в волка⁵⁵. Такой вождь, будучи колдуном, мог управлять „метеорологическими и астрономическими явлениями” — пишет японский фольклорист И. Ито, имея в виду распространенные еще недавно среди славян верования в то, что затмение солнца и луны совершаются по причине поедания их волколаками⁵⁶. Языковеды отмечают, что в мифологической традиции индоевропейских народов „волк” есть символом всеведения⁵⁷. Такими колдовскими способностями владеет древнерусский князь-волколак Всеслав Полоцкий, который имеет „вещую душу” и „въ ночь волькомъ рыскаше”⁵⁸. Колдунами являются и былинные богатыри-оборотни Волх Всеславьевич и Вольга. В новгородском книжном предании о Волке-чародее, содержащем переключки между мифологическими образами Волха и Волка, старший сын легендарного Словена Волх, давший имя реке Волхов, был „бесоугодный чародей”⁵⁹. Подобно Всеславу, Волху и Вольге, колдуном-оборотнем выступает в сербской эпической традиции и князь Вук Гругрович, в юнацких песнях — Змей Деспот Вук⁶⁰. Таким же колдуном, умевшим превращаться в пса, и возможно в волка, выступает в украинском фольклоре и атаман запорожских казаков Иван Серко⁶¹. Само прозвище атамана, полученное, согласно запорожским обычаям, в Сечи, имеет явную волчье-собачью этимологию, поскольку является одним из наиболее распространенных в Украине собачьих имен. Волк в славянском фольклоре также обычно снабжен эпитетом „серый”.

Как видим, данные фольклора, языка и этнографии славянских народов донесли до нас сведения о древнем инициационном ритуале наших предков, связанном с культом волка. Становясь взрослыми, юноши в древнеславянскую эпоху ритуально перерождались в волков и, имитируя жизнь и поведение этих зверей, проходили тяжелые испыта-

⁵⁵ Иванов В. В., *Волк*, МНМ 1991, т. 1, с. 242.

⁵⁶ Ито И., Указ. раб., с. 130.

⁵⁷ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В., Указ раб. с. 499.

⁵⁸ *Слово о полку Игореве*, с. 208.

⁵⁹ Иванов В. В., Топоров В. Н., *Волх. Мифологический словарь*, Москва 1992, с. 129.

⁶⁰ Jakobson R., Szeftel M., *The Vseslav Epos. Russian epic Studies*, Philadelphia 1949, p. 68f.

⁶¹ Савур-могила, с. 113–117.

ния, доказывая свое мужество, отвагу, беспощадность к врагам и, в конечном итоге, — способность стать полноценными членами основной социально-возрастной группы общины, обеспечивающей ее существование и жизнеспособность.

В заключение следует отметить, что в славянском материале обнаруживается также комплекс представлений, в определенной мере сходный с рассмотренными выше явлениями, касающийся медведя. Но это уже тема другого, самостоятельного исследования.

THE CONCEPT OF *WOLF* AND *WEREWOLF* IN ARCHAIC RITUALS OF THE SLAVONIC TRADITION

The article is an attempt to reveal the correlation of the concepts of wolf and werewolf and the ritual of initiation in Indo-European peoples. Rich folklore-oriented, linguistic and ethnographic documentation has revealed that the transformation of a person into a wolf or a dog took place in critical moments of one's life, such as the transition from adolescence to adulthood. On becoming adults, young men had to prove their valour, courage and unyielding attitude towards an enemy. The features constituted the basis of the future existence of an individual and the whole community.

In various sources relating to Slavonic cultures, the motif of initiation, manifested by the transition of a person into a wolf, is present in the tradition of the wedding reception, in war campaigns, in the practice of looting or in admission to particular professional circles.